

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

Прикладной анализ международных проблем: кандидатский экзамен — пробный вопрос

Один полный разбор из перечня вашего экзамена — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 33 вопросов перечня кафедры прикладного анализа международных проблем для испытания «кандидатский экзамен по специальной дисциплине».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные исследования», кафедра прикладного анализа международных проблем

ПРОГРАММА

кандидатский экзамен по специальной дисциплине

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОБЛЕМ · ВОПРОС D19 · ДЕМО

Подходы к глобализации и альтернативные оценки динамики мировой взаимозависимости.

■ Природа понятия

- Богатуров: объективный смысл — «сеть-оболочка» наднациональных связей; субъективный — политическая программа закрепления лидерства США.
- Косолапов: свыше 400 дефиниций к 2000-м — признак незавершённости процесса, а не консенсуса.
- Три подхода Фененко: рост взаимозависимости с 1980-х; транснациональные связи с 1970-х; идеологический проект США.

■ Теория взаимозависимости Кеохейна-Най

- «Комплексная взаимозависимость» (1977): множественные каналы связи, размытая иерархия «высокой» и «низкой» политики, слабая роль военной силы — идеальный тип, не описание реальности.
- Sensitivity (скорость реакции) vs vulnerability (цена перестройки связей); асимметрия уязвимости даёт силу слабой стороне.
- Критика Стрейндж: концепция учитывает лишь государства, упускает негосударственных акторов.

■ Альтернативные оценки

- Антиглобализм: последствия разрушительны для всех, кроме «богатой части человечества»; альтерглобализм признаёт объективность процесса, требует справедливых форм.

- Валлерстайн: ось «ядро-периферия» структурирует мир с XVI в., глобализация не нова.
- Богатуров: «конгломератная» альтернатива уподоблению Западу — Индия, Япония, Россия, Китай сохраняют разнородные анклав.

■ Динамика 2020-х

- МВФ (2023): «геоэкономическая фрагментация» — раскол на блоки; жёсткий сценарий — потери ВВП мира до 2,5–7%, бедных стран — свыше 4%.
- ВТО: рост торговли в 2025 г. — 2,4%, на 2026 г. прогноз снижен до 0,5% из-за тарифов США; доля торговли по РНБ упала до 72%.
- Индекс связанности DHL держится у 25% с 2022 г. — риторика деглобализации опережает данные.
- Пошлины США на КНР: пик 145% (апрель 2025), к 2026 г. — ≈33%; товарооборот при этом вырос.

■ Итог

- Фрагментация — рукотворный процесс (скрининг инвестиций: 3 страны в 1995 г. → 37 в 2022 г.), статистика потоков пока не подтверждает конца глобализации.

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Вводный контекст

Глобализация — одно из самых дискуссионных понятий современной теории международных отношений: к началу 2000-х годов в академической литературе накопилось свыше четырёхсот её определений. Такое разнообразие — не научная небрежность, а следствие того, что реальное состояние мира не соответствует «идеальной модели» единого глобального пространства: говорят именно о процессах глобализации, а не о состоявшемся факте. Взаимозависимость — смежное, но не тождественное понятие: оно описывает конкретный механизм, через который глобализация проявляется, — множественные каналы связи между обществами, государствами и негосударственными акторами. Билет требует различать два слоя дискуссии: теоретические подходы к самому понятию глобализации (что это — объективный процесс, идеологический проект или исторически повторяющаяся волна) и эмпирические оценки того, куда движется мировая взаимозависимость сегодня — к дальнейшей интеграции, к фрагментации или к новому равновесию между ними.

■ Объективный и субъективный смысл понятия

Российская школа теории международных отношений различает в глобализации два слоя. Объективный смысл — это процесс разрастания в масштабах планеты сети наднациональных и транснациональных связей взаимозависимости между странами и народами, сопровождаемый представлением о единстве и слиянии частей мира. Субъективный смысл — определённая политическая программа действий, распространяющая западный, прежде всего американский, стандарт

экономической и политической деятельности в интересах закрепления структуры международных отношений, сложившейся после холодной войны, при сохранении в ней лидерства США. Разграничение важно методологически: выводы, сделанные из материальных фактов (рост торговли, распространение технологий), не всегда объективны, если за ними стоит конкретный политический интерес.

Близкое по духу разграничение проводит российская школа между «глобализацией» как объективным процессом и «глобализмом» как субъективной политикой использования этих процессов в интересах одной страны или узкой группы стран. Три спорных постулата теорий глобализации, вызывающих наибольшие сомнения с точки зрения незападного опыта, — это тезис о кризисе или устаревании государства как формы политической организации, тезис о модернизации-вестернизации как естественном и неизбежном результате глобализации, и тезис о «демократической однополярности» как предпочтительной организации мира.

Существует и более узкая типология трёх подходов к происхождению глобализации. Первый рассматривает её как объективный рост взаимозависимости государств, начавшийся с распадом социалистического содружества в конце 1980-х годов. Второй связывает начало глобализации со становлением Ямайской валютной системы в 1970-х годах и развитием транснациональных связей. Третий трактует глобализацию как американский проект утверждения определённой идеологии в глобальном масштабе — проект, обратимый в случае пересмотра «Вашингтонского консенсуса», десяти правил экономической политики, сформулированных Джоном Уильямсоном в 1989 году как условие кредитования развивающихся стран. Общий для всех трёх подходов постулат состоит в том, что глобализация была технически невозможна до последней трети XX века — она стала возможной только с изобретением компьютерных сетей, спутниковой связи и массовой дальней авиации.

■ Теория взаимозависимости: Кеохейн и Най

Центральная концепция для анализа динамики мировой взаимозависимости — теория «комплексной взаимозависимости», сформулированная Робертом Кеохейном и Джозефом Наем в книге «Власть и взаимозависимость» (1977). Тема взаимозависимости в мировой политике была впервые поставлена ещё Норманом Энджеллом в 1910 году в работе «Великая иллюзия», но Кеохейн и Най перенесли её на материал послевоенной европейской интеграции и придали ей строгую аналитическую форму. Взаимозависимость определяется как ситуация, в которой между обществами, государствами и другими акторами международной жизни устанавливаются множественные каналы коммуникации, размывается иерархия ключевых проблем международной жизни, и снижается действенность военной силы как инструмента политики.

Комплексная взаимозависимость строится на трёх положениях, прямо противопоставленных классическому реализму: государства перестают быть единственными значимыми акторами (на первый план выходят также

транснациональные корпорации, банки и общественные движения); военная сила становится вторичным инструментом политики; исчезает жёсткая иерархия между «высокой» политикой безопасности и «низкой» политикой экономики и экологии. Сами авторы подчёркивали, что это не описание фактической реальности, а идеальный тип — мысленный эксперимент, противопоставленный другому идеальному типу, классическому реализму. Реальные международные ситуации располагаются где-то между этими двумя полюсами.

Практически важное развитие теории — различие чувствительности (sensitivity) и уязвимости (vulnerability). Чувствительность измеряет скорость и объём эффектов, которые изменения в одной части системы взаимозависимости вызывают в другой её части; уязвимость — относительные издержки, которые актор несёт, меняя структуру своих связей в ответ на внешнее воздействие. Различие принципиально: в 1998 году Соединённые Штаты были чувствительны к финансовому кризису в Восточной Азии — потеряли около половины процента роста ВВП, — но не были уязвимы, поскольку экономика продолжала расти. Индонезия же оказалась и чувствительной, и уязвимой одновременно, пережив тяжёлый структурный кризис. Асимметрия уязвимости становится источником силы: менее зависимая от отношений сторона получает рычаг влияния на более зависимую. Классический пример — торговые споры Канады с Соединёнными Штатами, где более зависимая от торговли с южным соседом Канада тем не менее чаще добивается своего благодаря готовности к ответным мерам.

■ Критика теории взаимозависимости и альтернативные оценки

Теория Кеохейна и Ная получила существенную критику. Сьюзен Стрейндж указывала, что их анализ учитывает изменение относительной политической мощи государств, но упускает из виду изменения экономической власти и экономических структур, ограничиваясь только экономическими процессами — иными словами, их версия взаимозависимости слишком узка и по-прежнему государствоцентрична, хотя реальная мировая политэкономия должна учитывать транснациональные отношения корпораций, банков и других негосударственных структур.

Более радикальная альтернатива — миросистемный анализ Иммануила Валлерстайна. С этой точки зрения сторонники мир-системного подхода говорили о глобализации задолго до появления самого слова, и вовсе не как о новом явлении, а как об основополагающей черте современной миросистемы, возникшей ещё в XVI веке. Взаимозависимость в этой оптике описывается не как рост связности рынков сам по себе, а как разделение труда внутри капиталистической мироэкономики, скреплённое экономическими механизмами — квазимонополиями и осью «ядро-периферия», а не политикой или культурой. Отсюда следует критика тезиса о новизне современных глобализационных процессов, широко распространённого в западной литературе 1990-х годов.

В российской литературе того же периода сложились три взгляда на природу глобализации. Первый, характерный для геополитиков и националистически

настроенных авторов, видит в глобализации лишь форму мирового лидерства и доминирования США, ставшую возможной после исчезновения СССР как второй сверхдержавы. Второй, более многочисленный, рассматривает глобализацию как объективный и качественный этап мирового развития, мало зависящий от эгоистических интересов отдельных стран. Третий, промежуточный взгляд полагает, что имеет место сочетание объективной динамики мирового развития с подкрепляемыми практически претензиями США на направление этого развития и лидерство в нём. От выбора одной из этих гипотез напрямую зависят практические рекомендации для внешней политики: если глобализация равна господству США, страны должны сдержанно относиться к её политическому закреплению как миропорядка; если это объективный процесс — в интересах любой страны как можно раньше и полнее к нему присоединиться.

Практический раскол в оценке глобализации проявился и в общественных движениях конца 1990-х — начала 2000-х годов. Антиглобалисты выступали против глобализации как таковой, считая все её последствия разрушительными для общества и выгодными исключительно «богатой части человечества». Альтерглобалисты, напротив, признавали объективную природу процесса, но протестовали против конкретных форм, в которых он протекал, выдвигая лозунг «альтернативной глобализации» — более гуманной и социально ориентированной, учитывающей интересы слабых и бедных стран. Собственную незападную альтернативу предложил А. Д. Богатуров: концепцию «конгломератных обществ», в которых длительно сосуществуют разнородные уклады и анклавов, не сливаясь в единый стандарт, — «равноположенное развитие» вместо линейного прогресса и уподобления Западу. К числу таких конгломератов относят Индию с её кастовой системой, США с сохраняющимися этническими анклавами, а также Россию и Китай с их различием между столицами и провинцией, побережьем и внутренними районами. Схожий довод против безальтернативности вестернизации даёт опыт Японии и Южной Кореи, заимствовавших западные стандарты бизнеса без разрушения традиционных моделей общественного поведения.

■ Экономическое измерение: от гиперглобализации к фрагментации

Отдельная линия дискуссии касается экономической динамики взаимозависимости и вопроса о том, закончилась ли эпоха гиперглобализации. Показательный количественный индикатор — отношение темпов роста мировой торговли к темпам роста мирового ВВП: если в 1990-е годы оно составляло около двух, достигая рекордных 2,9 в середине десятилетия, то после кризиса 2008–2009 годов оно упало до 1,1, а к середине 2010-х — ниже единицы. Именно с середины 2010-х годов в аналитике консалтинговых компаний закрепился тезис о кризисе гиперглобализации, однако собственно термин «фрагментация» вошёл в широкий оборот только начиная с 2022 года в публикациях Международного валютного фонда.

Международный валютный фонд предложил понятие «геоэкономической фрагментации» — политически мотивированного отката от глобальной экономической интеграции, при котором мир рискует расколоться на блоки с

разными идеологиями, политическими системами, технологическими стандартами и системами трансграничных платежей. В расчётах фонда жёсткий сценарий полного раскола на блоки, условно объединённые вокруг США и Евросоюза, с одной стороны, и Китая и России — с другой, при полном прекращении торговли между ними, ведёт к постоянным потерям порядка 2,5% мирового ВВП, а по более жёстким расчётам — вплоть до 7%; для бедных стран потери значительно выше — свыше 4% ВВП, что усугубляет риски долговых кризисов. Более мягкий сценарий «стратегического» decoupling без полного прекращения торговли между блоками МВФ оценивал заметно ниже — около 0,3% мирового ВВП; это разные сценарии, и цифры не взаимозаменяемы. При этом страны, сохраняющие неприсоединение к блокам, играют роль связующего звена, поддерживающего общий уровень мировой торговли, хотя такая стабилизирующая роль вряд ли сохранится при углублении фрагментации.

Количественный индикатор смены подхода государств к иностранным инвестициям — рост числа стран, вводящих их скрининг по соображениям национальной безопасности: с трёх в 1995 году до тридцати семи в 2022 году. Технологический decoupling между США и Китаем выделяется как отдельная ось фрагментации: по оценкам исследований Международного валютного фонда, потери интегрированных в глобальные технологические цепочки стран от полного «технологического разъединения» могут достигать пяти процентов ВВП.

Вместе с тем факты последних двух лет заставляют относиться к тезису о необратимой деглобализации осторожно — расхождение между политической риторикой и статистикой реальных потоков велико. Индекс глобальной связанности DHL, измеряющий международные потоки в сфере торговли, капитала, информации и людей по 169 странам, держится на уровне около 25% начиная с 2022 года без существенных изменений; авторы индекса прямо указывают, что преобладающие нарративы о деглобализации во многом обусловлены политической риторикой, а не реальным сдвигом в трансграничных потоках (данные DHL Global Connectedness Tracker, 2025-2026 гг.). Всемирная торговая организация подняла прогноз роста мирового товарного экспорта на 2025 год до 2,4% — мировой экспорт достиг 26,3 трлн долларов, увеличившись на 7,2% год к году, — но при этом резко снизила прогноз на 2026 год, до 0,5%, ожидая полного проявления эффекта повышенных тарифов США в течение всего года; параллельно доля мировой торговли, регулируемой режимом наибольшего благоприятствования ВТО, упала до 72%, что служит формальным показателем фрагментации многосторонней торговой системы (данные ВТО, Global Trade Outlook, октябрь 2025 г.). Пошлины США на китайские товары достигли пика в 145% в апреле 2025 года и к 2026 году снизились до средневзвешенных примерно 33%; несмотря на это, двусторонний товарооборот между странами не сократился резко, а по некоторым оценкам вырос, составив около 294 млрд долларов за первое полугодие 2026 года — эмпирика, подтверждающая позицию ряда исследователей о том, что упрощённые парадигмы «деглобализации» и «декаплинга» не выдерживают проверки статистикой (данные ПИЕ, 2025-2026

гг.). Приведённые цифры фиксируют состояние на середину 2026 года и остаются предварительными.

■ **Незападная и российская позиция**

Российская наука о международных отношениях последовательно настаивает на разграничении объективной динамики взаимозависимости и её политически ангажированной интерпретации. Показательно, что фрагментация мировой экономики, действительно происходящая в 2020-е годы, во многом стала результатом волевых решений западных правительств, вводящих санкции против России, — при этом сами санкции порождают эффект бумеранга для инициаторов. Незападная альтернатива глобализации связывается с переориентацией ряда стран, включая Иран, Россию и государства Центральной Азии, на «азиатский рынок» как самостоятельный, а не подчинённый западнцентричной модели вектор развития. В декларации БРИКС, принятой в Рио-де-Жанейро в 2025 году, зафиксирована оптимистичная трактовка глобализации при условии многополярности: многополярный мир способен расширить возможности развивающихся стран для достижения инклюзивной и справедливой экономической глобализации и сотрудничества. Эта формулировка остаётся декларативной программой, а не описанием сложившейся институциональной реальности — ни содержательная, ни институциональная, ни ценностная составляющие многополярности пока не оформлены в полной мере.

■ **Итоги и значение**

Дискуссия о глобализации и динамике мировой взаимозависимости не сводится к спору «за» или «против» — она распадается на несколько относительно независимых осей. Первая ось — теоретическая: является ли глобализация объективным процессом, идеологическим проектом или исторически повторяющейся волной интернационализации. Вторая ось — аналитическая: как измерять саму взаимозависимость, через симметричные каналы связи по Кеохейну и Наю или через асимметричные структуры власти по Стрейндж и Валлерстайну. Третья ось — эмпирическая и самая подвижная: движется ли мир к фрагментации на геополитические блоки или продолжает интегрироваться, несмотря на политическую риторику о деглобализации. Данные последних лет показывают, что все три оси остаются открытыми: статистика реальных потоков торговли, капитала и людей пока не подтверждает тезис о завершении глобализации, тогда как политически мотивированные меры — санкции, тарифы, скрининг инвестиций — количественно нарастают и формируют реальные структурные риски для наименее защищённых экономик. Для российской науки о международных отношениях принципиально важно удерживать это различие между объективной динамикой связей и её политически ангажированной интерпретацией, не принимая ни один из полюсов дискуссии — ни тезис о необратимой глобализации по западному образцу, ни тезис о её полном и окончательном конце — за свершившийся факт.

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «Прикладной анализ международных проблем: кандидатский экзамен» — 33 вопросов перечня кафедры прикладного анализа международных проблем для испытания «кандидатский экзамен по специальной дисциплине» в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

**Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.**

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.